

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ИНФОРМАЦИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

© 2014 г. Людмила Юрьевна Грудцына¹,
Александр Владимирович Лагуткин²

Краткая аннотация: в статье предпринята попытка определить место и роль информации в сложном правовом механизме формирования и развития институтов гражданского общества с учетом применения к данной проблеме кибернетического подхода. Двойственная социально-правовая природа феномена гражданского общества в России состоит в том, что, с одной стороны, оно вырастает не “снизу”, а формируется “сверху” по воле государства, имеющего возможность управлять развитием гражданского общества с помощью информации, воспринимаемой его институтами, с другой стороны, гражданское общество представляет собой сложную открытую социальную систему, развитие которой качественно зависит от развития составляющих ее элементов. Диалектическую возможность такого развития обеспечивает информация, которой обмениваются элементы системы и которая полностью не может контролироваться государством.

Annotation: in the article it is attempted to define the place and role of information in complex legal mechanism of formation and development of civil society institutions with regard to the issue of cybernetic approach. Dual socio-legal nature of the phenomenon of civil society in Russia is that, on the one hand, it grows not from below, and is formed “from above” by the will of the state that has the ability to control the development of civil society through information, perceived its institutions, on the other hand, civil society is a complex of open social system, development of which is qualitatively depends on the development of its constituent elements. Dialectical the possibility of such development provides information, which implies that share elements of the system and which cannot fully controlled through the state.

Ключевые слова: гражданское общество, информация, социальная система, кибернетика, управление, государство, флуктуация, права человека, социальная среда, самоорганизация, идеология, энергия, безопасность.

Key words: civil society, information, social system, cybernetics, management, government, fluctuation, human rights, social environment, self-organization, ideology, energy security.

Информация – это информация

Известно, что информация – это инструмент двойного назначения. От того, в чьих руках он находится и насколько квалифицированно используется, зависит равновесное и гармоничное развитие государства и общества. Использование информации есть глобальная проблема современного управления. Без информации не осуществляется управление. Особым видом информации является социальная, которая характеризуется смыслом, ценностью и другими свойствами.

Прежде чем перейти к гражданскому обществу и роли информации в его развитии, следует сказать

несколько слов о теории информации. Н. Винер дал следующее определение: “Информация – это информация, а не материя и не энергия”³. Определение не бесспорно, но именно оно стало отправной точкой для многих исследований в этой сфере.

В вероятностно-статистической теории информация характеризуется как антипод неопределенности, как преодолеваемая неопределенность (известная теория К. Шеннона). Исходя из этого, дается определение количества информации как степени уменьшенной (снятой) неопределенности (вероятности) в результате передачи сообщений⁴. Иными словами, как пишет А.Д. Урсул, “когда эта неопределенность присуща или нашим знаниям об объекте или же самому этому объекту”⁵. Характерной чертой шенновской теории является то, что за исходное, первичное понятие берется

¹ Профессор кафедры “Гражданское право” Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, член-корреспондент РАЕН, почетный адвокат России (E-mail: ludmilagr@mail.ru).

² Профессор кафедры административного и финансового права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, председатель отделения проблем управления РАЕН, доктор юридических наук, действительный член РАЕН (E-mail: a-lagutkin@yandex.ru).

³ Винер Н. Кибернетика. М., 1968. С. 201.

⁴ См.: Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975. С. 12.

⁵ Урсул А.Д. Информация и мышление. М., 1970. С. 6.

вероятность, а уже на этой основе строится понятие “количество информации”. Однако сам факт существования информации говорит о том, что она (ее количество) существует безотносительно теории вероятности. Именно это доказал акад. А.Н. Колмогоров, открывший новый способ измерения объема информации без помощи вероятности – алгоритмический. Важность этого открытия состоит в том, что А.Н. Колмогоров предложил за основу взять само понятие “информация”, а затем уже на этой базе строить всю теорию вероятностей и выводить понятие вероятности⁶. В науке информация представлялась как снятая, уничтоженная неопределенность, т.е. различие, многообразие. Разнообразие становится основой информации.

В системе гражданского общества, состоящей из множества взаимодействующих друг с другом элементов (отдельных людей, их организаций, сообществ), меняющихся и дополняющих друг друга, восприятие, переработка и передача информации – та самая основа, которая формирует на ближнюю и дальнюю перспективу их поведение. Иными словами, от того, какую информацию получит индивид или сообщество индивидов, и от того, как эта информация будет проанализирована (сделаны выводы), зависят формирование поведенческой программы и динамика развития всей системы гражданского общества. Если совсем просто, то информация – это конкретная управленческая модель, применимая к индивиду (или социальной группе) с учетом конкретных условий и обстоятельств.

Право как специфический вид информации также является в самом широком смысле управленческой моделью, в которой с помощью определенной информации (научно-правовой, действующего законодательства, комментариев к законодательству, выступлений политиков, судебной практики и т.д.) корректируется поведенческая программа социума, гражданского общества в зависимости от обстоятельств. Сначала должны возникнуть и сформироваться отношения в обществе, а затем наступить фаза их регулирования законом⁷. От того, какая информация поступает (например, продуманно “вбрасывается” государством) в свободный “оборот” системы гражданского общества, как она “обрабатывается” и насколько свободно может передаваться между элементами (частями)

системы, зависят не только их развитие и направления взаимодействия, но и развитие и изменения всей системы в целом. В вопросе “поступления” информации в оборот гражданского общества важно определить роль государства в регулировании (фильтровании) поступающей информации⁸.

Обмен информацией как принцип самоорганизации сложных социальных систем

Основным компонентом любой социальной системы всегда выступает человек как социальное существо. Как верно писал В.Г. Афанасьев, “человек есть последний, в известном смысле слова элементарный носитель социального системного качества. В то же время, будучи компонентом любой социальной системы, воплощением ее сущности, человек есть лишь часть социальной системы. Только будучи включен в определенную общественную систему, индивид обретает свою социальную сущность”⁹.

Развитие науки об информации вполне позволяет нам учитывать “парадокс Нейсбитта”, согласно которому чем выше уровень глобализации экономики (и не только экономики. – Авт.), тем сильнее ее мельчайшие участники¹⁰. Действительно, опираясь на эту научную теорию, применительно к рассматриваемой в статье проблеме можно сделать следующий важный вывод: если человек является компонентом (элементом) социальной системы, то его нахождение в ней предполагает выполнение человеком определенных функций (объекта и/или субъекта) в этой системе, которые, во-первых, структурно связывают его с системой, во-вторых, изменяют саму систему. То, какие функции и действия должен (может) выполнять человек как часть системы, зависит от информации, которую он получает и обрабатывает. Таким образом, и человек в отдельности, и сама система в целом развиваются, обретая новые качества, благодаря воспринимаемой и передаваемой друг другу информации. Чем интенсивнее будет развитие конкретного человека в его взаимодействии (передаче информации) с другими людьми (элементами системы), тем быстрее будет совершенствоваться сама система. Здесь возникают по меньшей мере три сценария развития ситуации:

1) *тотальный контроль государства за поступлением информации*: по сути, говорить

⁶ См.: Колмогоров А.Н. Три подхода к определению понятия “количество информации” // Проблемы передачи информации. М., 1965.

⁷ См.: Дмитриев Ю.А. О современном этапе развития российской конституционно-правовой науки // Право и жизнь. 2014. № 189 (3). С. 52.

⁸ См., например: Дмитриев Ю.А. За веру и верность! // Там же. 2014. № 187 (1). С. 19–21.

⁹ Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. М., 1981. С. 23.

¹⁰ См.: Лагуткин А.В. Великая иллюзия демократии. М., 2014.

о гражданском обществе не приходится, поскольку огосударствляется негосударственная сфера жизни граждан. Наиболее ярким недавним историческим примером того, как с помощью информации можно управлять народными массами (понятие “общество”, имеющее сложную самоорганизованную динамическую структуру, здесь неприменимо), является СССР, в котором зачатки предгражданского общества существовали не благодаря, а вопреки существующей системе (например, “самиздат”, правозащитные организации и т.п.), в целом же практически все сферы жизни советского человека были подконтрольны государству. Не секрет, что советское общество держалось на советской жесткой идеологии, были воспитаны поколения людей, для которых понятие “советский человек” было особым знаком отличия от остального мира, само это понятие и воспитанная с детства принадлежность к советскому народу создавали определенный психологический “код”, с помощью которого государство осуществляло управление на уровне выработки поведенческих программ коллективов людей. Партийная идеология направляла и продолжает направлять, особенно гуманитарные научные исследования (наиболее подверженные идеологическому влиянию, в отличие от технических наук), в нужное, политически ориентированное русло;

2) *индифферентное государство*: государство не просто устраняется от контроля над гражданским обществом, но и не помогает его институтам формироваться и расти (отсутствуют государственная поддержка, благоприятный режим законодательства, налогообложения и т.п.). Это стремление к идеалу демократического правового государства: чем свободнее и интенсивнее будут развиваться человек, индивиды, народ конкретного государства, тем быстрее его развитие будет (по некоторым направлениям) переходить в саморазвитие и формирование институтов гражданского общества.

Самоорганизация граждан и наличие не контролируемых государством сфер так называемой “гражданской активности” (повторим, что в этом случае государство делает определенные волевые усилия по самоограничению собственной власти во имя полноценного развития всей системы) есть важный симптом благополучного развития всей системы, сравнимый с наличием иммунитета в организме. Иными словами, чем больше возможностей свободы информационного обмена предоставляет государство как управляющий субъект, являющийся частью системы (государство-общество), управляемому объекту (гражданскому

обществу) в сфере самоидентификации и самоорганизации, тем меньше риск “заболевания” всей системы как единого организма, части которого могут влиять друг на друга. Как верно отмечал С.М. Петров, именно государство в данном случае может являться как рычагом, так и тормозом всего процесса¹¹. А инструментом данного процесса является, конечно, информация;

3) *смешанный вариант*, при котором государство может “вбрасывать” в гражданское общество нужную себе информацию (идеологизируя, “фильтруя” имеющуюся или создавая новую), но намеренно не контролирует все, предоставляя социальной системе гражданского общества возможности для саморазвития с использованием собственной информации и ее обработки. Сегодня в России также действует машина государственной пропаганды, однако, во-первых, не в прежних масштабах, во-вторых, вместо разрушенной советской идеологии до сих пор не построена новая. Это важный момент, поскольку именно государственная идеология является наиболее удобным и функциональным инструментом конструирования и “донесения” в нужных формах до общества нужной информации. Информационные потоки формируют и направляют наше сознание, социум наполнен информацией, которую он уже не в силах оперативно систематизировать и переваривать. А социальная информация всегда связана с психологическими факторами восприятия. По мнению Е.К. Войшвилло, количество информации, содержащейся в суждении по отношению к некоторой проблеме, определяется тем, насколько доказательство или допущение истинности этого суждения уменьшает энтропию, дезорганизованность системы¹².

Образ общества, получивший свое теоретическое выражение в понятии социальной системы, с точки зрения Н. Элиаса, при ближайшем рассмотрении оказывается идеальным образом нации¹³. Как пишет Г. Клаус, “мы хотим не только понимать общественные системы, но и владеть ими. Владеть, однако, не значит знать все причинные связи системы. При известных обстоятельствах достаточно уже знать закономерности ее поведения”¹⁴. Возьмем эту мысль на вооружение.

¹¹ См.: Петров С.М., Грудцына Л.Ю. Власть и гражданское общество в России: взаимодействие и противостояние // Административное и муниципальное право. 2012. № 1. С. 25.

¹² См.: Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975. С. 12.

¹³ См.: Элиас Н. О процессе цивилизации. В 2-х т. Т. 1. С. 38.

¹⁴ Клаус Г. Кибернетика и общество / Пер. с нем. М., 1967. С. 128.

В.А. Энгельгардт полагал, что можно говорить о трех моментах, характеризующих взаимоотношения целого и части. Во-первых, это – возникновение взаимодействующей системы связей между частями целого. Во-вторых, утрата некоторых свойств части при вхождении в состав целого. В-третьих, появление у возникающей новой целостности новых свойств, обусловленных как свойствами основных частей, так и возникновением новых систем связей между частями. К этому следует добавить еще упорядоченность частей, обусловленность их пространственного и функционального взаимоотношения¹⁵. По мере возрастания целостности увеличивается и независимость социального организма от среды, что связано с возникновением механизмов, позволяющих восстанавливать нарушение функций, вызванное изменениями в среде, сохранять в пределах нормы определенные, присущие социальному организму параметры¹⁶. Люди находятся в сети взаимозависимостей, которые прочно (с помощью передаваемой и получаемой информации) привязывают их друг к другу. Эта информационная сеть может быть обозначена как фигурация – определенная форма связи ориентированных друг на друга и взаимозависимых людей. Поскольку люди (сначала от природы, а затем и через обучение, воспитание, социализацию, социально пробуждаемые потребности) зависят друг от друга, постольку они всегда выступают во множественном числе или, если можно так выразиться, существуют как “плюральности”. Они всегда предстают в тех или иных фигурациях (сообществах).

Информация как инструмент управления гражданским обществом

В древности термин “кибернетика” (от др.-греч. *κυβερνητική* – “искусство управления”) использовался Платоном в его сочинениях в одном случае как искусство управления кораблем или колесницей, а в другом – в контексте “исследования самоуправления” в “Законах” для обозначения управления людьми. В современном значении слово “*cybernétique*” впервые было применено в 1834 г. французским физиком и систематизатором наук А.М. Ампером в работе “Опыт о философии наук, или Аналитическое изложение естественной классификации всех человеческих знаний” для обозначения науки управления.

Ампер, понимая роль управления, ввел в предложенную классификацию наук несуществующую науку об управлении человеческим обществом и назвал ее кибернетикой. Спустя 114 лет, в 1948 г., Н. Винер определил кибернетику как науку об управлении и связи в живом и машине.

Что именно представляет собой гражданское общество? Это – “сообщество независимых субъектов (граждан) внутри государства, вырабатывающих моральные и материальные ценности в интересах самого сообщества и государства”¹⁷. Это отнюдь не то, что формально выходит за пределы государственных структур. Если, скажем, наблюдается огосударствление общественных институтов, то граница, разделяющая общество и государство, становится аморфной и в той или иной мере смещается в сферу государственной власти (по Гегелю: власти как “неизбежной необходимости” существования гражданского общества), формируя в ней псевдообщественные институты. Примером таких институтов могут служить КПСС и советская номенклатура, где в действительности и формировались интересы, на основе которых строились и функционировали государственный аппарат и само государство. Такого рода политический конгломерат появляется всякий раз, когда из-за волевых действий власти (с помощью “вбрасывания” в общество определенной информации), осуществляемых на фоне слабости демократических институтов, естественные границы гражданского общества смещаются, а развитие самих институтов оказывается заторможенным. В современной России это можно наблюдать на примере нынешней партии власти – “Единой России”, основу которой составляет все та же номенклатура, но теперь уже нового типа.

На наш взгляд, построение государством “сверху” в условиях его общей неразвитости и при наличии массовых стереотипов советского тоталитаризма в общественном сознании гражданского общества имеет ряд плюсов, хотя бы с позиций метода системного анализа. Во-первых, государству (и не только ему) легче управлять обществом как подсистемой, когда основные элементы системы (государство-общество) упорядочены, соотносены друг с другом, когда понятны их внутренние связи и соподчиненность. Сложнее (и почти невозможно) управлять хаосом, беспорядком, в которых управляемые элементы разрознены и не имеют четких связей друг с другом. Во-вторых, в современной России, где проживают более 100 народов и этнических групп, различающихся по

¹⁵ См.: Энгельгардт В.А. Интегрализм – путь от простого к сложному в познании явлений жизни // Вопросы философии. 1970. № 11. С. 108.

¹⁶ См.: Афанасьев В.Г. Мир живого. Системность, эволюция и управление. М., 2010. С. 158.

¹⁷ Лагуткин А.В. Россия на распутье: куда пойдем? М., 2014. С. 3.

языку, самобытным особенностям своей материальной и духовной культуры, конфессиональной принадлежности, необходимость “управляемой свободы” очевидна и вполне логична. Государство не просто является регулятором и реформатором данной сферы, но и сам факт государственного вмешательства в процессы формирования институтов гражданского общества (и наоборот) – процесс во многом естественный и неизбежный с учетом исторических традиций нашей страны.

Диалектика взаимоотношений государства и гражданского общества

Государственная власть стремится по природе своей к самосохранению и контролю над гражданским обществом, в то время как спецификой России является возможность создания и начала развития гражданского общества только силами государства. Таким образом, государство должно вопреки своей природе развивать до конца неподконтрольную сферу, которая при определенных обстоятельствах и условиях развития (и саморазвития) может выйти из-под контроля государства. Иными словами, в России в настоящих социально-экономических условиях развитие гражданского общества, полагаем, возможно только “сверху”, но не “снизу”. Само общество не готово самоорганизовываться благодаря в том числе советскому прошлому, атомизировавшему социальную среду и не дававшее обществу определенных степеней свободы до уровня самоорганизации и самостоятельного развития во всех сферах, не связанных с государством. Ранее тоталитарная государственность России воспринимала любые основы самоорганизации и вытекающей из неё самостоятельности как угрозу государственной безопасности и стремилась контролировать абсолютно все сферы жизни общества, разбивая его на отдельные части. Атомизация рано или поздно ведет к энтропии, ускоряя разрушение системы в целом.

Как верно отметил Б.С. Эбзеев, “государственное признание прав человека представляет собой форму их трансформации в права гражданина, которые есть лишь превращенные права человека”¹⁸. Основные права и свободы гражданина – это юридическая форма прав человека, включенного в определенную социальную систему¹⁹. Нельзя в принципе установить четкое различие между членом гражданского общества и гражданином государства. Почти каждый гражданин государства

является одновременно членом семьи, частью гражданского общества и так или иначе участвует в политической жизни общества, сталкивается с государством в лице органов государственной власти.

Теперь можно признать следующее: государство есть необходимый фактор создания и самого факта существования гражданского общества. Если не будет силы и государственной воли (принуждения) в определенных вопросах общественной жизни – все скатится к беспорядкам и хаосу. Не в последнюю очередь это касается гражданского общества, саморегулируемой системы, нуждающейся, по-видимому, в постоянном контроле со стороны государства. Все это лишь демонстрирует объективную взаимосвязь государства и гражданского общества (в котором государство, безусловно, доминирует) применительно к особым примерам. Воистину, гражданское общество и государство представляют собой единство и борьбу противоположностей. “В гражданском обществе каждый для себя – цель, – отмечал Гегель, – все остальное для него ничто”²⁰. Или: “Гражданское общество является аренной борьбы частных индивидуальных интересов, войны всех против всех”²¹. И как раз эта-то война, которая сама является следствием социального единства и вытекающих из него ограничений, рождает необходимость мощного интегрирующего начала, коим и является государство.

Гражданское общество рассматривается Гегелем как сфера понятия государства и именно как сфера его конечности. Как указывал К. Маркс (правда, в своих ранних произведениях), государство выступает для гражданского общества как его “внешняя необходимость”²². Жизнь гражданского общества немыслима без государства, опосредованно или прямо устанавливающего рамки формирования и развития общественной жизни. Именно это и задает предпосылки не двойственности, но двуединства индивида – как члена гражданского общества и как гражданина государства.

Управление гражданским обществом при помощи информации

Государство, санкционируя развитие ростков гражданского общества в России (наиболее яркими примерами являются Общественная палата РФ,

¹⁸ Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России. Опыт синтетического исследования. М., 2014. С. 248.

¹⁹ См.: Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974.

²⁰ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 228. Об этом также писал Платон.

²¹ Там же. С. 330. Гегель здесь использует данную Т. Гоббсом известную характеристику естественного состояния, которое, по его определению, есть “война всех против всех”.

²² Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М., 2010. С. 52, 53.

региональные общественные палаты, а также государственная поддержка некоторых общественных объединений), тем не менее, по закону диалектики должно постоянно контролировать это развитие (определять степень свободы контролируемого объекта). Проблема развития и взаимодействия институтов гражданского общества между собой и с государством, на наш взгляд, сродни проблеме диалектического единства организма и среды. Выход на междисциплинарное исследование столь сложной проблемы просто необходим.

Медленное развитие в России институтов гражданского общества вызвано исторически (в том числе) отсутствием у населения страны социальной ответственности и кризисом самоидентификации личности, отдельных социальных групп и общества в целом. Здесь можно обнаружить очередной парадокс: даже если государство санкционирует “сверху” развитие гражданских свобод и даст все законные возможности для самоорганизации граждан на местах, но если народ не готов воспринимать поступающую от государства информацию, не готов к самоорганизации и саморазвитию, не имеет должного уровня образования и культуры, то любые усилия со стороны государства в скором времени сойдут на нет. Если проанализировать, например, изменения российского законодательства об образовании и науке последних 15 лет (вступивший в силу с 1 сентября 2013 г. Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”), то можно сделать вывод, что государственная политика в этой сфере направлена отнюдь не на повышение образования граждан – потенциальных членов гражданского общества. Если посмотреть на то, что происходит сейчас с культурой и на весьма ограниченный (по факту) доступ к культурным ценностям, то о высокой культуре среднестатистического гражданина также говорить не приходится. Из этого (в том числе) складывается такое важное понятие, как “правосознание”. Вместо него у большинства населения России присутствуют лишь правовой нигилизм, незнание законов и неверие власти. Понимание же социальной ответственности (каждого гражданина, бизнеса и т.д.) есть результат достигнутого высокого уровня осознания каждым своей роли в стране и обществе. До этого современным гражданам России еще далеко. Ответственность как социальный феномен определяет пределы допустимой деятельности отдельных индивидов, групп, организаций в обществе, а значит, является индикатором возможности саморегулирования обществом своих отношений, их социокультурной и экономической трансформации (без

привлечения к этому процессу государства или при минимальном привлечении последнего).

Идеал, по крайней мере в ближайшем будущем, для России недостижим: когда участие государства в формировании российского гражданского общества должно быть весьма взвешенным, а само это участие должно контролироваться (при открытости государственной политики, цивилизованном диалоге между властью и обществом) общественными институтами, чтобы не допустить информационного манипулирования процессом формирования гражданского общества в интересах самой власти. А для этого власть (не только в России, но и в любом государстве) должна осознать важность и необходимость самоограничения, пойти во многом против своей природы. Особенно это касается тоталитарных традиций государственного управления в России. Но в любой сложной системе случаются сбои, отклонения от общих законов развития, которые невозможно было предсказать и предотвратить. Иными словами, в системе гражданского общества (как и в любой сложноорганизованной динамично развивающейся системе) происходят флуктуации.

Флуктуации в системе гражданского общества

Флуктуация (от лат. *fluctuatio* – колебание) – термин, характеризующий любое колебание или любое периодическое изменение²³. Если представить, что члены гражданского общества (например, отдельные индивиды), будучи взаимодействующими друг с другом частями сложной социальной системы, одновременно являются приемниками и передатчиками информации, то в определенный момент и при определенных обстоятельствах полученная информация может вызвать у приемно-передающего устройства (индивида, который получает информацию, анализирует ее и передает другим индивидам) непредсказуемую реакцию. “Эффект домино” может вызвать непредсказуемые колебания части системы и даже изменить ее структуру.

На междисциплинарном уровне еще не выработана единая концепция возможности вычисления времени и места возникновения подобных флуктуаций. Предполагаем, что флуктуация есть проявление латентной закономерности, о которой нам ничего не известно. Наука пока оставляет открытым вопрос, возможно ли в принципе такое вычисление (формула). Ведь “постоянно имеет место диалектическое сочетание адаптивного

²³ См.: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Флуктуация>

и активного начал, уравнивания организма со средой и нарушения достигнутого уровня ради выхода на другой, более высокий уровень развития”²⁴.

Возвращаясь к системе гражданского общества, отметим, что, во-первых, неизбежность флуктуаций помимо других причин заставляет государство стремиться к наблюдению за институтами гражданского общества, чтобы успеть предотвратить выход части системы из-под контроля и сохранить власть. Наиболее серьезными флуктуациями могут быть революция, переворот, гражданская война и т.п. Во-вторых, интенсивности развития системы гражданского общества способствует ускорение передачи и приема информации внутри социальной системы, связи усложняются, объем информации увеличивается. Это мировая тенденция, связанная с глобализацией, и контролировать объемы передаваемой информации уже практически невозможно. С ускорением этих процессов, на наш взгляд, прямо пропорционально растет риск случайных отклонений в системе гражданского общества. Связано это с тем, что чем больше информации, тем больше запас знаний у конкретного приемника информации (с условием, что приемник принимает и анализирует информацию, делая выводы). А чем более интеллектуальным становится приемник информации, тем он больше стремится не просто к анализу, но и к обобщению информации, стремясь передавать другим индивидам (частям системы) качественную информацию об окружающей их среде и о системе. Сама подготовка перцепиента информации влияет на количество и качество получаемой и передаваемой им информации. Напомним о государстве, стремящемся к сохранению собственной власти, для которой образованный и думающий индивид представляет априори большую опасность, как минимум, в том, что знает свои права и может потребовать от государства их гарантированной реализации.

Определяющим моментом становления гражданского общества является *социальная ответственность*. Ее роль заключается в том, что ответственность как социальный феномен определяет пределы допустимой деятельности отдельных индивидов, групп, организаций в обществе. Это особенно важно в российских условиях, где крайне сложно проходит процесс разграничения общественного, государственного и личного. Более того, ни о какой социальной ответственности населения в России сегодня говорить не приходится. Во многом это объясняется отсутствием

социальной защищенности самого населения, кризисом самоидентификации среднего класса и др., отсутствием четкой и понятной стратификации общества, невозможностью государства реализовывать гарантированные законодательством (в первую очередь Конституцией РФ) социальные права и свободы человека и гражданина, что вызывает встречную негативную реакцию населения по отношению к власти, порождая правовой нигилизм и безразличие к происходящему в стране.

Информация. Энергия. Гражданское общество

Как часто мы встречаемся с тем, что одно лишь слово, одна фраза приобретают магическое (энергетическое) действие, приводя в движение большие массы людей. М.И. Сетров выступает против пренебрежения энергетическими характеристиками информации: при незначительной, порой ничтожно малой величине энергии сигнала, несущего информацию, воспринимающая система реагирует с несравненно большей энергией. Это тем более характерно для социальной информации, выраженной в слове²⁵.

Есть прагматический (ценностный) подход: установление зависимости между информацией, перцепиентом информации и целью, которую он перед собой ставит. Иными словами, в этом случае определяется ценность информации для того, кто ее воспринимает и использует. Это важно для решения задач управления большими общественными процессами, где необходима не всякая информация, а лишь та, которая способствует достижению цели, поставленной перед системой. Ценность одной и той же социальной информации не остается одинаковой. Если цель, для достижения которой она использовалась, достигнута, информация для субъекта цели потеряла свою непосредственную ценность, хотя сама по себе ценность как качество данной информации сохранилась.

Отметим, что от отбора, выбора (селективности) информации зависит поведение приемника информации, а значит, тот, кто имеет возможности для “фильтрации” и запуска в общество нужной (для достижения поставленной цели) информации, определяет ее объемы и время запуска в конкретные общественные группы (или все общество) конкретных объемов информации, ожидая достижения в результате анализа и, по сути, управляемых действий приемников информации. Важным является вопрос о полезности и ценности информации для пользователя – приемника

²⁴ Соколова Л.В. А.А. Ухтомский и комплексная наука о человеке. СПб., 2010. С. 146.

²⁵ См.: Сетров М.И. Организация биосистем. Л., 1971.

информации. Может ли сам пользователь определять ее ценность, и свободна ли его воля в момент восприятия, анализа информации и последующих за таким анализом конкретных действий?

Одна и та же информация, как верно пишет А.А. Харкевич, может иметь разную ценность, если ее рассматривать с точки зрения использования для различных целей²⁶. Тогда меняются стиль подачи, объем и время подачи информации, чтобы сформировать у приемника информации соответствующее восприятие и, естественно, дальнейшие действия в зависимости от анализа принимаемой в конкретный момент времени информации.

Отдельного внимания заслуживает механизм доминанты, разработанный русским физиологом А.А. Ухтомским. В своем развитии доминанта проходит три стадии: 1) возникновение под влиянием внутренних раздражителей. «Доминанта как системная реакция организма возникает в результате обработанной нервными центрами информации о событиях или предметах в пространстве и во времени»²⁷; 2) образование условного рефлекса, по И.П. Павлову, когда из прежнего множества действующих возбуждений доминанта выделяет группу, которая для нее особенно «интересна», идет выборка раздражителя для данной доминанты; 3) между доминантой и внешним раздражителем устанавливается прочная связь. Казалось бы, какое отношение имеют все эти знания из физиологии к информации и гражданскому обществу? Думается, что роль междисциплинарных исследований и возможностей применения методов и инструментов, выработанных другими науками, еще только предстоит оценить и изучить. Риском сделать несколько предварительных выводов:

1) с учетом увеличивающегося потока информации, «вбрасываемого» и генерируемого самой социальной системой, возникает вопрос о выделении основных потоков информации, которые будут скорее всего (рефлекторно) восприняты элементами системы. Иными словами, если элементы системы гражданского общества (индивиды, их сообщества) будут принимать, выделяя из общего потока информации, и передавать «нужную» для сохранения стабильности всей системы информацию, они будут управляемы, а значит, их дальнейшие действия предсказуемы. Понятно, что в создании подобного механизма (назовем его «информационной доминантой гражданского общества») заинтересовано само государство по изложенным выше причинам;

2) еще только предстоит изучить связь между информационной доминантой гражданского общества и возможностями формирования общественного сознания, когда у субъектов гражданского общества формируются определенные, управляемые формы мышления, играющего важную роль в переработке информации. По сути, речь идет о возможности разработки управляемого с помощью информации общественного правосознания. Как особая форма общественного сознания, правосознание есть осознание прав и обязанностей, совокупность взглядов, идей, представлений, убеждений, настроений, эмоций, чувств человека, объединений людей или всего общества относительно права и его роли. Правосознанию принадлежит значительная роль в различных сферах общественной и правовой жизни как ее части. Оно составляет внутреннюю идеальную детерминанту любой юридической деятельности: в правотворческой деятельности при создании юридических предписаний; в правоприменительной практике органов государства и должностных лиц при разрешении конкретных жизненных ситуаций и т.д.;

3) известно, что по своей структуре правовое сознание включает три компонента:

а) *правовую идеологию*. Проблема в том, что в современной России правовая идеология отсутствует, необходимость ее построения уже осознана властью, но первые шаги в этом направлении (например, создание Общенационального народного фронта) выглядят, мягко говоря, неубедительно;

б) *правовую психологию*, состоящую преимущественно из созерцательных моментов познания, психологического восприятия правовых реалий: чувств, эмоций и переживаний людей, связанных с правом; она является менее заметной, но более устойчивой частью правосознания;

в) *поведенческие факторы*, в которых «цементируются» интеллектуальные, идеологические и психологические элементы. Эти факторы, выражаясь в мотивах, целях, внутренних установках и конкретных волеизъявлениях в регулируемых правоотношениях, во многом с помощью принимаемой и обрабатываемой информации определяют правомерность поведения субъектов права. В реальной жизни указанные выше компоненты правового сознания находятся в органическом единстве. Тесно переплетаясь и взаимодействуя, они пронизывают всю государственно-правовую действительность, выступая мощным средством совершенствования всей социальной системы или, напротив, ее стабильности и неизменности свойств. Вопрос в том, под чьим контролем может оказаться такая мощная конструкция.

²⁶ См.: Харкевич А.А. О ценности информации // Проблемы кибернетики. Вып. 4. М., 1960. С. 54.

²⁷ Соколова Л.В. Указ. соч. С. 147.

Разрушительная роль информации

В теории динамических систем существует такое понятие, как “динамический хаос”, когда поведение нелинейной системы выглядит случайным, несмотря на то что оно определяется детерминистскими законами. Причиной появления хаоса является неустойчивость (чувствительность) по отношению к начальным условиям и параметрам: малое изменение начального условия со временем приводит к сколь угодно большим изменениям динамики системы.

Если на междисциплинарном уровне исследований перенести эти характеристики динамических систем на свойства и структуру сложноорганизованной социальной системы – гражданского общества, то получается интересная картина. Во-первых, такое поведение нелинейной системы можно сравнить, например, с высшей нервной деятельностью, с работой психики человека. Получается, что к обществу, открытым социальным системам можно применять основные законы природы (царства растений и животных). В таком случае если поставить знак равенства между неустойчивостью и чувствительностью, то, например, психическое заболевание у человека можно охарактеризовать как повышение чувствительности к условиям окружающей среды, немного изменившимся по отношению к внешним условиям, с которыми он взаимодействовал ранее (т.е. не сработал адаптационный механизм в организме).

Во-вторых, если соотнести вышеизложенное с тем, что человек (социальные группы) является элементом гражданского общества, его “клеточкой”, то устойчивость в целом “организма” (гражданского общества) будет зависеть от устойчивости образующих его “клеток”, частей, элементов. Если применить сравнение с живой природой, то природа стремится к самосохранению (к устойчивости, обеспечивающей непрерывность жизни), а многоклеточным организмам, как известно, для существования необходимо сохранять постоянство внутренней среды. Человеческое же общество с его глобализацией и стремительным развитием технологий и информации, наоборот, само стремится к изменениям. Эти изменения порождают потоки информации, которую нужно воспринимать и перерабатывать. Социум пока не понимает, что в какой-то момент, когда порог чувствительности (неустойчивости) повысится по отношению к меняющимся условиям жизни, то это в целом сдетонирует на всей сложной социальной системе, элементом которой является человек. Это приведет к кризису системы, а может быть, к ее разрушению.

В-третьих, рискнем предположить, что случайные изменения системы (флуктуации) можно связать со все более интенсивными изменениями, которые происходят в гражданском обществе. Если даже малое изменение начального условия (согласно теории динамического хаоса) может привести к большим изменениям динамики системы гражданского общества (а здесь изменение равносильно неустойчивости-чувствительности), то большие изменения начального условия должны приводить к еще более интенсивным изменениям (встряскам) всей социальной системы. Значит, изучать и выявлять алгоритм флуктуаций все-таки можно на наиболее “выпуклых” их формах (например, революции, кризисы, войны, катастрофы и т.д.). Итак, современное общество, равно как и образующие его звенья, является собой сверхсложные динамические системы²⁸. Информация только тогда принесет пользу, когда воплощена в технику и технологии, в ценности культуры, в знания и опыт людей, в формы их общения, во всю систему общественных отношений²⁹.

Частные интересы и гражданское общество

На первый взгляд развитие гражданского общества происходит исключительно в рамках частных интересов, но участие публичной власти и распространение публичных норм на частноправовую сферу (пусть и опосредованным образом) нельзя подвергать сомнению. Как верно отметил Н.М. Коршунов, “частные и публичные интересы очень часто совпадают, и это делает их использование в качестве надежного критерия разграничения частного и публичного права весьма затруднительным”³⁰.

С одной стороны, многие публично-правовые нормы, да и функции публичного права в целом в значительной мере направлены на защиту частных интересов³¹. С другой – любая правовая норма, устанавливающая частноправовые основы каких-либо общественных отношений, по природе своей является публичной, хотя бы потому, что, во-первых, санкционируется государством и становится частью национального законодательства,

²⁸ См.: Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. С. 4, 5.

²⁹ См.: там же. С. 6.

³⁰ Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М., 2011. С. 24.

³¹ См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 37; Тихомиров Ю.А. Публичное и частное право // Общая теория государства и права. Академ. курс. М., 2009. С. 255.

во-вторых, не может противоречить и угрожать самой государственной системе и природе государственного управления.

Государство – многогранное явление, охватывающее не только сферу публичных интересов, но и “проникающее” во все пласты общественной жизни индивида. Например, жизнь гражданина в России будет отличаться от жизни местного населения в Германии, и разница будет не только в этнопсихологии, но и в модели существующей в странах политической и правовой систем. Например, С.С. Алексеев пишет о том, что развитие правовых систем идет в основном в одном направлении: происходит взаимное обогащение права и в конечном счете своеобразная интеграция в праве, при которой правовые системы соединяются в целостные правовые образования, юридические конструкции³². Такая конвергенция, отражающая закономерность развития национальных правовых систем, не ведет к нивелированию методов правового регулирования. В самом деле, частично происходит растворение частного права в публичном и наоборот.

Вспомним Гегеля, у которого государство – многоплановое явление, охватывающее различные сферы человеческой жизни, а не только аппаратно-управленческую и политическую. Обретение индивидом человеческого (нравственного) облика и объективация его как гражданина (в частности, законодательное наделение правами) возможны только в государстве³³. Соответственно, на наш взгляд, само наделение государством – с помощью принятия соответствующих законов – индивида правами и свободами, а также обязанностями уже является актом проявления публично-правовых начал, что не исключает в то же время частноправовой характер самих прав и свобод, которыми индивид наделяется. Гегель, разделяя государство и гражданское общество как сферу всеобщих и сферу частных интересов, настаивает на их органическом единстве и взаимопроникновении: “По отношению к сферам частного права и частного блага, семьи и гражданского общества государство есть, с одной стороны, внешняя необходимость и их высшая власть, природе которой подчинены и от которой зависят их законы и их интересы; но, с другой стороны, оно есть их имманентная цель, и его сила в единстве его всеобщей конечной цели и особенного интереса индивидов, в том, что они в такой же степени имеют обязанности по отношению к нему, как обладают правами”.

Гегель рассматривает государство как единый организм, целостную систему, не сводимую только к власти и тем более к управленческому аппарату. Вот что он прямо говорит по этому поводу: “Государство есть организм, т.е. развитие идеи в свои различия. Эти различные стороны образуют различные власти, их функции и сферы деятельности, посредством которых всеобщее беспрестанно необходимым образом порождает себя, а поскольку оно именно в своем порождении предпослано, то и сохраняет себя. Этот организм есть политический строй: он вечно исходит из государства, так же как государство, в свою очередь, сохраняется благодаря ему; если оба они расходятся, если различные стороны становятся свободными, то единство, которое их порождает, больше уже не положено. К ним применима басня о желудке и других частях тела. Природа организма такова, что если не все его части переходят в тождество, если одна из них полагает себя самостоятельной, то погибнуть должны все”³⁴.

Следует отметить, что Гегель разделял три власти (не совпадающие с теорией разделения властей Монтескьё): законодательную, правительственную (куда включал исполнительную и судебную власти в их современном понимании) и власть государя (верховную). Очевидно, что понятие государства для Гегеля шире понятий политической власти и государственного аппарата (политический строй). Из этого следует важный методологический вывод: при исследовании вопроса о соотношении категории “государство” с иными научными категориями, в том числе с категорией “гражданское общество”, желательно во избежание двусмысленностей в каждом конкретном случае расшифровывать понимание термина “государство”³⁵.

А. Грамши по-новому взглянул на государство, под которым понимал политическую общность (диктатуру или аппарат принуждения, призванный сформировать народную массу в соответствии со способом производства и экономикой данного момента), а не равновесие политической общности и общности гражданской, или гегемонию одной социальной группы над всей национальной общностью³⁶, осуществляемую через проводники – институты гражданского общества (церковь, профсоюзы, образование и т.п.).

Но вернемся к гражданскому обществу. Прежде всего любая интерпретация понятия “гражданское

³² См.: Алексеев С.С. Линия права. М., 2006. С. 114.

³³ См.: Андрианов Н.В. Гражданское общество как среда институционализации адвокатуры. М., 2011. С. 35, 36.

³⁴ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 287.

³⁵ Лагуткин А.В. Великая иллюзия демократии.

³⁶ См.: Грамши А. Искусство и политика. Письма Т. 1. М., 1991. С. 542.

общество” предполагает соотнесение с понятием “государство”, поскольку первое исторически и в теоретическом анализе возникает лишь при наличии второго. При этом категория “государство” всегда требует от исследователя расшифровки: или под ним понимается система власти, или административный аппарат, или институционально организованное геополитическое пространство, или институционально организованное население, или все это вместе, объединенное “развитием идеи в ее различия”. В противном случае приходится строить догадки по поводу сентенций в духе: “Гражданское общество призвано следить за государством”³⁷. Кроме того, необходимо учитывать нетождественность понятий “общество” и “гражданское общество”. Итак, для проведенного в статье исследования представляет непосредственное значение, во-первых, взгляд Гегеля на гражданское общество как сферу **частных, единичных интересов**, которая в определенных условиях приобретает **самостоятельное значение** по отношению к сфере **публичных (всеобщих) интересов**. Следует добавить, что формирование и реализация частных интересов, а также взаимодействие субъектов – носителей этих интересов между собой происходят на основе передачи и приема ими информации друг от друга и от системы в целом. Во-вторых, вывод о том, что дифференциацию гражданского общества от государства (как сферы политической власти и управленческого аппарата) обеспечивают индивидуальные права граждан, ограждающие их от произвольного административного вмешательства и предоставляющие возможность воздействия на властные институты (поэтому индивидуальные права следует рассматривать как важный элемент структуры гражданского общества). К этому с учетом нашего понимания роли информации в сложных системах следует добавить, что рост индивида до уровня осознания собственных прав и понимания своих возможностей взаимодействия с государством также обеспечивается уровнем воспринятой им информации.

³⁷ Блестящий анализ гегелевской концепции гражданского общества содержится в работе классика отечественной теории государства и права П.И. Новгородцева (см.: *Новгородцев П.И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000. С. 330–351).

В-третьих, указание на возможность достижения индивидуальной цели только “при соотношении с другими”, т.е. при наличии отношений терпимости друг к другу и солидарности, выступающей в качестве неотъемлемого элемента гражданского общества. Таким образом, согласно гегелевской концепции сфера индивидуальных интересов, право и солидарность общественных интересов и государства являются категориями, необходимыми для описания гражданского общества.

Равновесие системы гражданского общества

Отдельного рассмотрения требует учение Т. Парсонса о “социальной системе”, под которой понимается общество, находящееся в “равновесии”. Возможны небольшие колебания (или флуктуации, о которых говорилось выше), но обычно общество пребывает в состоянии покоя. Все его части гармонично сочетаются друг с другом. Принадлежащие обществу индивиды обычно ориентируются на одни и те же нормы благодаря одинаковой для всех социализации – принятой и ретранслированной информации. Они интегрированы в систему, где идет постоянный информационный обмен. В идеальном состоянии социальной системы конфликты между ними отсутствуют; изменения самой системы подобны помехам в работе отлаженного механизма.

Итак, государство – это управляющая система (регулятор), которая должна обладать необходимой сложностью, чтобы решать задачи с многообразными неизвестными. Если же регулятор (государство) окажется проще, чем это следует из закона необходимого разнообразия, то он просто не будет работать, не сможет должным образом реагировать на поступающие потоки информации. Другая крайность также нежелательна. Если регулятор окажется слишком сложным, а потоки поступающей к нему информации – небольшими, то излишняя сложность регулятора не улучшит качество поступающей в него информации, а значит, не улучшит само управление.

Таким образом, мы видим, что большое количество вопросов, возникших по ходу рассмотрения излагаемых тем, подлежит дальнейшему серьезному изучению, в том числе и в форме дискуссии.